

ВКЛАД ВАСИЛИЯ ЦОРАЕВА В ОСЕТИНСКУЮ КУЛЬТУРУ

Л.К. ГОСТИЕВА

Василий Афанасьевич (Ельдзарико Хадзиевич) Цораев родился в сел. Фыдхуз (ныне пос. Редант) в 1827 г. [1, 21]. Его отец Хадзи был выходцем из сел. Джимара Тагаурского общества. Первоначальное образование Ельдзарико получил «от отставного унтер-офицера, бывшего начальника Балтинской заставы Военно-Грузинской дороги» [2, 164]. 2 сентября 1836 г. он поступил во Владикавказское осетинское духовное училище [3, 2об.]. Ельдзарико был принят на казенное содержание, поскольку его отец дал подписку в том, что после окончания училища сын примет духовное звание. Цораев попал в первый набор только что открывшегося духовного училища.

В ноябре 1837 г. выяснилось, что ученик Цораев не был крещен. Тогда же во Владикавказском училищном доме священник Хумалагского прихода Дмитрий Канделаков совершил таинство крещения. Ельдзарико Цораев при крещении был наречен Василием. Его восприемником при крещении был инспектор духовного училища Григорий Мжедлов [4, 20, 35-36].

Уже на первом году обучения Василий отличился своими успехами в учебе среди учеников, находившихся на казенном содержании. 7 мая 1837 г. смотритель духовного училища протоиерей Шио Двалишвили и инспектор Григорий Мжедлов в рапорте экзарху

Грузии архиепископу Евгению (Бажанову) сообщили, что единственный «из шести учеников, Василий Цораев за хорошие успехи переведен во второй класс, и обучается хорошо и надежен» [5, 28].

В годичной ведомости воспитанников духовного училища за 1838 г. отмечалось, что ученик 3 класса Василий Цораев, относящийся к I разряду учеников, «способностей превосходных» [6, 1]. По результатам публичного испытания, состоявшегося 2 июля 1838 г., В. Цораев за отличные успехи в учебе был награжден учебником по осетинскому катехизису [7, 18]. В одном классе с Василием Цораевым учились Афако Фидаров, Александр Алдатов, Касполат Кусов, Михаил Тускаев.

Успешно окончив духовное училище, Василий в 1841 г. был переведен в Тифлисскую духовную семинарию. В это время в семинарии на отделение выше Цораева учился Алексей Колиев, будущий протоиерей и просветитель. Отлично учившийся в семинарии А. Колиев являлся примером для подражания своим младшим товарищам-осетинам. Вполне вероятно, что Колиев мог оказывать в годы учебы серьезное влияние и на Василия Цораева.

В декабре 1842 г. Цораев был отмечен среди учеников, отличившихся успехами по предмету «Гражданская история» и «Осетинский язык» [1, 44].

4 апреля 1843 г. в тифлисском кафедральном Сионском соборе экзарх Грузии архиепископ Евгений посвятил Василия Цораева в стихарь [8, 19], что дало ему право на прислуживание архиерею во время богослужений в качестве иподиакона с ношением крестовидно одеваемого ораря*.

В июле 1846 г. Цораев был «после частного и публичного испытаний... причислен к первому разряду учеников высшего отд[еления] семинарии» с оценками «отлично» по богословским наукам и осетинскому языку, «весьма хорошо» по всем остальным предметам, кроме оценки «нехудо» по греческому языку [8, 18-19]. Тогда же Василий Цораев и Димитрий Бакрадзев как лучшие ученики были рекомендованы Святейшим Синодом для продолжения образования в Московской духовной академии. Такая возможность появилась после того, как обер-прокурор Святейшего Синода граф Николай Александрович Протасов разрешил включить в состав низшего отделения Московской духовной академии лучших воспитанников российских духовных семинарий, в том числе двоих воспитанников из Тифлисской духовной семинарии [8, 1-2].

Цораев проучился в Московской духовной академии, располагавшейся в Сергиевском Посаде, лишь два года. 30 июня 1848 г. в прошении, поданном в правление духовной академии, Василий просил уволить его из академии по слабости здоровья [8, 14]. В связи с болезненным состоянием здоровья Цораева, подтвержденным медицинс-

* Принадлежность богослужебного облачения дьякона и иподьякона – длинная узкая лента из парчовой или иной цветной ткани. Иподьякон надевает орарь крестовидно, в знак того, что он не имеет благодатных дарований священнослужителя. – Л.Г.

ким осмотром, Правление академии удовлетворило его просьбу: «Ныне он, Цораев, по окончании Философского курса, согласно его прошению, Академическим Правлением, и разрешения... Филарета, митрополита Московского, уволен из Академии» [8, 17]. Цораеву были выданы свидетельство об успехах и поведении, деньги на проезд от Сергиевского Посада до Тифлиса. Однако истинной причиной ухода Василия из Московской духовной академии стало его нежелание «вступить в духовное звание» и стать священником, на что косвенно указывали и его результаты в свидетельстве об успехах в науках: оценка «средственно» по богословской дисциплине, в то время как по большинству предметов были оценки «довольно хорошо», кроме «нехудо» по греческому языку [8, 17].

В ноябре 1848 г. Цораев вместо Тифлиса или Владикавказа приехал в Санкт-Петербург с целью продолжить свое образование. С просьбой о содействии ему в этом он обратился к академику А.М. Шегрену, автору знаменитой «Осетинской грамматики». 2 декабря 1848 г. Шегрен написал рекомендательное письмо к Ю.А. Гагемейстеру, чиновнику для особых поручений в Министерстве финансов, прикомандированному к наместнику Кавказа. В своем письме Шегрен просил Гагемейстера взять под свое покровительство осетина Цораева, который «...желал бы усовершенствоваться в ученом образовании вообще и при том особливо заниматься изучением восточных языков» и помочь ему «продолжить свое образование в здешнем университете под именным попечением и покровительством так называемого Кавказского Комитета» [9, 9-10].

Гагемейстер откликнулся на просьбу академика и обратился к управля-

ющими делами Кавказского Комитета В.П. Буткову. Кавказский Комитет занимался в том числе и определением уроженцев Кавказа, рекомендованных кавказской администрацией, на специально выделяемые для казенных воспитанников вакансии. Благодаря помощи Буткова, Цораев, в виде исключения, был включен в утверждаемый императором Николаем I список претендентов на казенные вакансии.

22 декабря 1848 г. император Николай I своим указом повелел Василия Цораева «определить в императорский С. Петербургский университет студентом того факультета, куда пожелает, с тем чтобы он был подвергнут установленному испытанию в университет, и если его выдержит, то был бы помещен в число студентов оного теперь же, а если не выдержит, то представить ему предварительно приготовиться и поступить в университет не позже приема 1850 года, отпуская ему из государственного казначейства, с 1-го января 1849 года, на содержание по двести пятидесяти рублей серебром в год впредь до окончания им курса наук в университете...» [9, 11-12].

В январе 1849 г. Цораев сдал приемные экзамены в университет, но удовлетворительные оценки получил только по русскому языку и русской истории, по латинскому же языку, географии и всеобщей истории «получил по единице», а по математике и физике «вовсе не оказал знаний» [9, 12]. Василию было предложено после надлежащей подготовки вновь явиться на приемные экзамены в августе того же года. Однако в 1849 г. Цораев на экзамены не явился, вероятно, решив использовать еще один год для подготовки. По указу императора последним сроком для поступления в университет была определена осень 1850 г.

Однако студентом Санкт-Петербургского университета Василий Цораев так никогда и не стал. Летом 1850 г. он был задержан на прусской границе и посажен под арест в г. Ковно (ныне г. Каунас Литовской Республики). На допросе Цораев дал показания, что «к прусской границе он прибыл без всякого злого намерения, единственно из одного любопытства иметь понятие о таможенном порядке» [9, 13-14]. Истинная причина его незаконного отъезда из Санкт-Петербурга так и осталась неизвестной.

Последствия этого поступка оказались для Василия крайне драматичны. Николай I, «принимая во внимание дерзость поступка Осетина Цораева и его своеволие, и находя полезным показать над ним особую строгость в пример другим, высочайше соизволил повелеть: определить Цораева рядовым по распоряжению Инспекторского департамента Военного министерства» [9, 14].

18 сентября 1850 г. Цораев был отправлен этапом из Ковно сначала в Варшаву, затем в Гомель к месту службы – в пехотный фельдмаршала герцога Веллингтона полк 7-й пехотной дивизии (впоследствии Смоленский пехотный полк). К месту службы Цораев прибыл только в июле 1851 г.

С началом Крымской войны Цораев принимал участие в военных действиях. 11 марта 1854 г. при переправе на правый берег Дуная от Измаила он был ранен в левое ухо «с потерей наружных частей оного». За отличие, проявленное в этот день, Цораев был награжден знаком отличия военного ордена Святого Георгия под №95284 [9, 16]. В 1855 и 1856 гг. в составе Смоленского резервного полка Цораев воевал против союзных войск Турции, Англии, Франции и Сардинии. 28 мая

1855 г. он был произведен в унтер-офицеры. Находясь с 31 июля 1855 г. в составе Севастопольского гарнизона, Цораев участвовал в обороне Севастополя и был награжден серебряной медалью. В память войны 1853-1856 гг. он получил бронзовую светлую медаль на Андреевской ленте. В январе 1857 г. Цораев вернулся в Смоленский пехотный полк и был зачислен в 4 резервный батальон того же полка.

Больше года Василий Цораев хлопотал об отставке. По закону, для получения отставки он как горец, находившийся на службе в наказание, должен был прослужить «беспорочно» 15 лет. Однако Василий мог бы и досрочно выйти в отставку, если бы доказал свои права на льготы, предоставляемые в армии перворядным воспитанникам семинарий: их производили в офицеры с выслугою в унтер-офицерском звании один год [9, 18]. Через вышестоящее начальство Цораев обратился в Московскую духовную академию. Приняв во внимание то, что Цораев окончил в академии курс философских наук, Правление академии после длительного рассмотрения вопроса присвоило ему такие права, которые были одобрены обер-прокурором Святейшего Синода. После величайшего повеления императора Александра II, последовавшего 21 января 1859 г., Цораев, наконец, получил права студентов духовных семинарий. На тот момент выслуга унтер-офицера В. Цораева составляла уже более трех лет. Однако, не пожелав становиться офицером, 1 апреля 1859 г. Цораев подал прошение об отставке «по домашним обстоятельствам», и 7 сентября он получил увольнение от службы. Попытка добиться получения чина коллежского регистратора (низший гражданский чин) не увенчалась успехом, ему как Георгиевскому кавале-

ру была лишь назначена лишь небольшая пенсия.

Цораев вернулся в Осетию и с 1 февраля 1860 г. был назначен учителем четвертого класса Владикавказского духовного училища. Проработав в училище полгода, он переехал в Тифлис. 10 сентября 1860 г. Василий Цораев был назначен на должность учителя осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии и подведомственном семинарии уездно-приходском духовном училище, а с 12 мая 1861 г. – наставником осетинского языка.

1 июня 1862 г. Цораев был назначен на должность столоначальника Грузино-Имеретинской синодальной конторы и 1 февраля утвержден императором в этой должности. Но уже 12 февраля он был уволен от этой должности по собственной просьбе. Чиновничья карьера у Цораева не сложилась, хотя он и получил чин коллежского регистратора (15 июля 1863 г.) и чин губернского секретаря (2 июля 1864 г.).

Точная дата отъезда Василия Цораева из Тифлиса неизвестна, вероятно, это 1873-1874 гг. По данным «Кавказского календаря на 1873 г.» Цораев еще значился в должности учителя осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии и уездно-приходском училище [10, 72], а в «Кавказском календаре на 1874 г.» его имя уже отсутствовало [11].

Последнее десятилетие своей жизни Цораев провел в Осетии, переехав во Владикавказ вместе с женой – грузинкой Варварой Виссарионовной Иаевой. Детей в семье Цораевых не было. После смерти жены Василий переселился в сел. Ольгинское, в дом своих старших братьев Сабана и Хаса [12, 53].

Василий Цораев скончался в 1884 г. По данным о. Х. Цомаева, он был похоронен на Ольгинском приходском клад-

бище [13, 9]. Могила Василия Цораева не сохранилась.

Большое место в деятельности В. Цораева составляли переводы богослужебной литературы на осетинский язык. В 1860 г. Цораев вместе со священниками А. Колиевым, М. Сухиевым, диаконом А. Аладжиковым, учителями С. Жускаевым и Г. Караевым (впоследствии священниками. – Л.Г.) вошел в состав Комитета по переводу на осетинский язык священно-церковных и учебных книг, образованный архимандритом Иосифом (Чепиговским) по распоряжению экзарха Грузии архиепископа Евсевия (Ильинского) от 26 апреля 1860 г. [14, 17].

29 мая 1860 г. архимандрит Иосиф распределил между членами Комитета обязанности по переводу на осетинский язык различных богослужебных книг. Первоначально он поручил учителю В. Цораеву перевести на осетинский язык службы на Рождество Господа Иисуса Христа и на Святое Богоявление [14, 17], но позже закрепил за ним перевод «Соборных посланий св. апостолов Иакова, Петра, Иоанна Богослова и Иуды».

1 ноября 1860 г. Цораев представил экзарху Грузии архимандриту Евсевию перевод на осетинский язык «Соборного послания св. апостола Иакова». Канцелярия Осетинской Духовной комиссии направила перевод Управляющему Осетинскими приходами архимандриту Иосифу для рассмотрения его в Комитете по переводу на осетинский язык священно-церковных и учебных книг. В редактировании перевода приняли участие священники А. Колиев, М. Сухиев, диакон А. Аладжиков и учителя Г. Караев и Г. Кантемиров [14, 32об.]. Архимандрит Иосиф сообщил экзарху Грузии архимандриту Евсевию, что перевод, исправленный членами Комите-

та, «одобряется как весьма близко соответствующий тексту послания славянскому и русскому» [14, 25]. За 2,5 листа перевода «Соборного послания св. апостола Иакова» Цораев получил 75 руб., а редакторы получили на всех – 25 руб. [14, 32об.].

В ноябре 1860 г. Василий Цораев перевел на осетинский язык «Соборные послания св. апостола Петра» и 10 декабря того же года направил перевод вместе с сопроводительным рапортом экзарху Грузии архимандриту Евсевию [14, 23]. 12 декабря 1860 г. перевод Цораева в соответствии с резолюцией экзарха Грузии архимандрита Евсевия был направлен архимандриту Иосифу для рассмотрения его в Комитете. В первой половине 1861 г. при личном руководстве архимандрита Иосифа перевод «Соборных посланий св. апостола Петра» был рассмотрен и отредактирован священником А. Колиевым и диаконом А. Аладжиковым. Архимандрит Иосиф сообщил экзарху Грузии Евсевию, что «перевод Цораева вообще хорош, но в правописании Цораев позволяет себе произвол» [14, 27].

15 июня 1861 г. архимандриту Иосифу для рассмотрения в Комитете был направлен перевод «Соборных посланий св. апостолов Иоанна Богослова и Иуды», выполненный Цораевым. 17 июля 1861 г. архимандрит Иосиф сообщил экзарху Грузии архимандриту Евсевию, что при личном его участии перевод, сделанный Цораевым, был внимательно рассмотрен и исправлен священником Колиевым и диаконом Аладжиковым и что «перевод Цораева очень хорош» [14, 27].

Книга «Соборные послания св. апостолов Иакова, Петра, Иоанна Богослова и Иуды» в переводе Василия Цораева была опубликована в 1862 г. в Тифлисе в типографии Главного управления

Наместника Кавказа [15]. Протоиерей Х. Цомаев считал, что «перевод послания не везде точный, но в общем один из лучших переводов. По достоинству третий после переводов Колиева» [13, 9]. Называя Цораева «знатоком родного осетинского языка», Б.А. Алборов писал: «Лучшим по точности, по языку и по выразительности считается перевод церковной книги, произведенный В. Цораевым» [16, 2].

Цораев вместе с Г. Мжедловым принял участие в редактировании перевода на осетинский язык «Последования св. Крещения и миропомазания», выполненного священником А. Колиевым. За эту работу им было выплачено на двоих 100 руб. [14, 32об.]. Книга была опубликована в Тифлисе в 1862 г. [17].

В. Цораев вместе со священниками А. Колиевым, М. Сухиевым, диаконом А. Аладжиковым и учителями Г. Каравым и Г. Кантемировым участвовал в редактировании «Осетино-русского букваря», написанного архимандритом Иосифом [14, 32об.]. За свою работу они получили на всех 110 руб.

14 марта 1862 г. Комитет «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» предложил Управляющему осетинскими приходами архимандриту Иосифу поручить учителю осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии перевести «Послания св. апостола Павла» [14, 63-63об.]. Однако был ли выполнен Цораевым этот перевод, неизвестно.

Кроме работы над собственными переводами, Цораев на протяжении многих лет по поручению «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» занимался корректурой священно-богослужбных книг на осетинском языке, издаваемых в Тифлисе; «поручения эти он исполнял

удовлетворительно и безвозмездно» [18, 22].

Другой важной сферой интересов Цораева являлся сбор произведений устного народного творчества осетин: пословиц, загадок, сказок, сказаний о нартах. Василий Цораев заслуженно считается зачинателем осетинской фольклористики.

Так же как и Д. Чонкадзе, Цораев сотрудничал с А.П. Берже – правителем дел Кавказского отдела императорского Русского географического общества, по просьбе которого собирал осетинские загадки, сказки и сказания с целью их издания. Фольклорные материалы, собранные Цораевым по предложению Берже, вошли в опубликованную в Санкт-Петербурге в 1868 г. в академиком А.А. Шифнером книгу «Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым», изданную в качестве Приложения к XIV тому Записок Императорской Академии наук [19]. В книге Цораеву принадлежат все материалы, за исключением 123 пословиц, записанных Д. Чонкадзе, и текста песни на осетинском языке «Из песни на Воскресение Христова», автором которого был священник А. Колиев. Кроме того, в примечаниях к первому разделу «Осетинские пословицы» Шифнер широко использовал комментарии Цораева к 123 пословицам, записанным Чонкадзе. Во введении к разделу Шифнер писал: «После появления в Бюллетене Академии первой моей статьи об осетинских пословицах... мне был доставлен через посредство многоуважаемого А.П. Берже целый ряд замечаний на некоторые слова, показавшиеся мне сомнительными. Автор этих замечаний природный осетин, именно упомянутый во введении учитель Цораев. Самые любопытные приводятся мною в нижеследующих примечаниях» [19, 5-6]. Статья А. Шиф-

нера «Осетинские пословицы» была опубликована в 1862 г. в Бюллетене Императорской Академии наук (Т. V) на немецком языке [20, 435-453].

Во втором разделе сборника Шифнер разместил 54 осетинские загадки, собранные и записанные Цораевым по просьбе Берже. Раздел о загадках снабжен примечаниями Шифнера, в которых он в основном привел комментарии самого Цораева к записанным им загадкам.

В третьем разделе приведен материал Цораева «Жертвоприношение коня покойнику». В примечаниях Шифнера использованы в том числе и ценные комментарии Цораева.

В четвертом разделе книги размещена записанная Цораевым осетинская песня «Сагъасæ», которая представляет собой отрывок из известной песни «Дæ-да-дæй», о которой упоминается в стихотворении К.Л. Хетагурова «Чи дæ?» («Кто ты?»).

В пятом и восьмом разделах «Осетинские предания и сказки» книги Шифнер впервые опубликовал записи Нартовского эпоса на осетинском языке, сделанные Цораевым: в пятом разделе помещена записанная Цораевым «Хвалебная песня маленькому Батырадзу, Хамыцову сыну», в восьмом – записанная Цораевым запись «Хвалебная песнь в честь нарта Урызмага». В конце разделов даны примечания самого Шифнера, в которых широко использованы комментарии Цораева. В 1863 г. в Бюллетенях Императорской Академии наук Шифнер опубликовал на немецком языке статью «Осетинские тексты», в которой привел запись Цораева «Хвалебная песня маленькому Батырадзу, Хамыцову сыну» [23], а в 1868 г. – статью «Осетинские предания и сказки» с записью «Хвалебной песни в честь нарта Урызмага» [25].

В шестом разделе под названием «Из песни на Воскресение Христова» приведена первая половина акафиста (17 стрóf) «Сладчайшему Иисусу» на осетинском языке с параллельным переводом на русский язык. Поскольку авторство не было указано, то автором как осетинского текста, так и перевода долгое время считался Цораев, в то время как автором акафиста был священник А. Колиев, а Цораев – автором перевода акафиста на русский язык. Впервые об авторстве о. А. Колиево стало известно из книги священника А. Гатуева «Христианство в Осетии. Исторический очерк» [21, 78]. Полный текст акафиста «Чырыстий рухс райгасдзинад (Куадзæн бон)» с указанием его автора – протоиерея А. Колиево, был опубликован в 1913 г. в осетинском религиозно-проповедническом журнале «Чырыстон цард» («Христианская жизнь») [22, 32-34].

«Осетинские загадки», «Жертвоприношение коня покойнику», «Осетинская песня «Сагъасæ», «Хвалебная песня маленькому Батырадзу, Хамыцову сыну», «Из песни на Воскресение Христова» под названием «Осетинские тексты» были опубликованы Шифнером в 1863 г. в Бюллетене Императорской Академии наук на немецком языке [23, 446-473].

В седьмом разделе сборника «Осетинские предания и сказки» опубликованы сказки из мира животных, записанные Цораевым: «Вошь и блоха», «Лиса-плутовка» и «Свинья». Сказки снабжены примечаниями, составленными Шифнером, в которых использованы в том числе и комментарии Цораева. В 1864 г. Шифнер опубликовал эти сказки в Бюллетене Императорской Академии наук на немецком языке [24, 35-43].

В восьмом разделе также помещены записанные Цораевым сказки «О сыне

горного старшины и о дочери степного старшины» и «О сыне старшины, прозванном Мыстыкус (мышинное ухо)». Первая сказка интересна описанием свадебного обряда и сведениями об имевшемся у осетин условном и ручном языке. Во второй сказке воссоздается картина так называемого утробного стовора (сватовства между находившимися в утробе матери детьми). В 1868 г. Шифнер опубликовал эти сказки на немецком языке в статье «Осетинские предания и сказки», размещенной в Бюллетене Императорской Академии наук [25].

В середине 20-х гг. XX в. Г.Г. Бекоев в статье «Возникновение Осетинской письменности и ее развитие (Краткий очерк)» писал: «Загадки, собранные Цораевым, показывают в нем настоящего знатока языка в жизни народа. Язык его простой, народный. Он им владеет в совершенстве. Ни одной натяжки, ни одного лишнего слова – все сжато, образно и метко, как это и должно быть в загадке. Самый подбор материала не оставит желать лучшего.

Теми же достоинствами отличаются и другие тексты, записанные Цораевым. Посвящение коня, хотя и не так полно, как в других вариантах, но выдержано в строго народном стиле. Та же естественность и простота в его сказках. Стиль сказочный выдержан безукоризненно. Попытался Цораев воспроизвести народную песню “Сузај”. И тут он вполне овладел стихом народным, придав ему законченную обработку. Конечно, воспроизвел он не всю песню, а лишь несколько куплетов – из самых скромных.

Что же касается записи нартовского сказания, то она смело может служить образцом и для нашего времени. Несмотря на то, что сказание записано прозой, сразу чувствуется вполне явно ритм. И в то же время самая

требовательная критика не уловит искусственность. На мой взгляд, это есть идеальное воспроизведение народного сказания» [26, 18-19].

Видный этнограф-кавказовед Б.А. Калоев в своей книге «Миллер – кавказовед (исследования и материалы)» писал: «Появление «Осетинских текстов» вызвало интерес ко всему устному творчеству осетин и, особенно, к эпосу» [27, 53].

Известный фольклорист и литературовед З.М. Салагаева отмечала, что «Осетинские тексты» «сыграли выдающуюся роль в истории осетинской фольклористики и литературы. Осетинские народные произведения, закрепленные в письменной форме, отныне начали активнее проникать в литературу, влиять на сюжетику осетинских художественных произведений. Так произошло с текстом “Посвящение коня покойному” («Жертвоприношение коня покойнику». – Л.Г.), который был использован Коста Хетагуровым наряду с другими устными вариантами в одноименном произведении» [28, 177]. В той же книге Салагаева писала: «Иван Ялгузидзе, Даниил Чонкадзе, Василий Цораев являются прямыми предшественниками основоположника осетинской прозы Сека Гадиева» [28, 179-180].

В примечаниях к книге «Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым» Шифнер широко использовал этнографический материал Цораева. Так, в примечании к загадке №4 «На крыше дома сушится пшеница – Звезды на небе» раздела «Осетинские загадки» Цораев привел материал о способе просушки зерна у осетин: «Осетины молотят хлеб без просушки; но перед отправлением на мельницу, они его сушат на солнце, что большею частью делается на кровле дома, где его

рассыпают на разложенном войлоке. Войлок этот вместе с пшеницею они называют *хуртуан*, от *хур*, солнце и *таун*, сеять, рассыпать» [19, 34].

В примечании к загадке № 27 «Вот на скате два турсука. – Женские груди» Цораев указал на способ изготовления и использования в хозяйстве бурдюка – «лалыма». Он писал, что «лалымом» называется турсук из козьей шкуры, в котором осетины хранят свое пиво, вино и водку; для этого сдирается шкура с козы, по возможности, в целом виде» [19, 35].

В примечании к загадке № 30 «На вороном коне черный всадник. – Котел и цепь» Цораев охарактеризовал важные социальные функции надочажной цепи – «рахыс». Он отмечал, что цепь, «висящая в каждом доме над очагом, и к которой привешивается котел с пищею, принадлежит к числу священных предметов. Над нею произносятся клятвы. До введения христианства, невесту обводили три раза вокруг цепи и после этого обряда она становилась супругою. Украсть цепь у недруга считалось самым великим геройским подвигом, и тот, у кого была похищена цепь, должен был стараться ее снова приобрести, хотя бы это стоило жизни; в противном случае он подвергался презрению со стороны общества» [19, 35].

В примечании №2 к сказке «Лиса-плутовка» Шифнер привел этнографический материал Цораева, касающийся подробного описания распространенной у осетин детской игры в «Палки и чурку» – «Хъæл æмæ лæдзæгæй хъаст»: «Детская игра, в которой участвуют две партии; пока одна из них немного удаляется в сторону, другая втыкает в землю палку, оставляя ее на аршин над землею; потом на эту палку накладывают горизонтально чурку, длиною в палец. Если кто на бегу захва-

тит обращенный к противоположной стороне конец чурки или успеет ударить палкой, тот кричит: обжег! И игра выиграна. Если же в течение двадцати раз не обожгут чурки на бегу, т.е. не дотронутся до нее, то нападающая партия садится на спину противоположной партии, закрывает им глаза, сбивает чурку и ездит на них, пока кто найдет чурку» [19, 67-68].

В примечаниях №8 и 14 к Нартовскому сказанию «Хвалебная песнь в честь нарта Урызмага» Шифнер привел этнографический материал Цораева о ритуале традиционного застолья, ритуальных напитках и яствах, функциях прислуживающего за столом: «В праздники собираются осетины на обеденную или вечернюю трапезу, становятся, обнажают головы, и старший в роде берет одну ватрушку (*уалибvx* от *уъл* или *уълä*, на и *фvx*, сваренное, спеченное, печение) и баранье бедро (*скÿ*), в другую же стакан водки (*араqi*) или чашку пива, или, если этих напитков нет, то чашку бузы (*бврäг*, которая варится из просяной муки, смешанной с солодом и составляет летом, в особенности во время полевых работ, обыкновенное питье), и говорит импровизированную молитву, в которой обращается ко всем известным ему угодникам, прося их защиты и заступничества. Ватрушка, бедро и питье называются *кувägгäг*, молитвенные дары, т.е. дары, приносимые при молитве... После окончания молитвы старец передает баранье бедро, ватрушку и стакан водки кому-нибудь из молодых; тот же, дотронувшись до них, передает их так называемому *урдvгстäg* (от *урдvг*, стоймя, и *стvн*, я стою), т.е. стоящему, прислуживающему» [19, 88-89].

В примечании №9 к тому же сказанию Цораев охарактеризовал функции «фидиуæг» – глашатая: «В каждом ауле есть свой глашатай *фидиуäg*. В эту долж-

ность избираются старший с громким голосом. Когда требуется созвать сходку, глашатай восходит на самое высокое место в середине деревне, и из всех сил кричит, чтобы в такое то время приходили на сходку (*нвхас*). При этом он постоянно произносит слова: *афтӕ мачӕ зӕгӕд, нӕ фӕдустон зӕгӕд*, т.е. «чтобы никто не сказал: я не слышал». Равным образом накануне поминок, или похорон глашатай обязан известить о них, чтобы никто не удалялся из аула. За свой труд глашатай получает обыкновенно каждый раз по одной мере пшеницы, по две меры проса, на поминках еще особую долю мяса, пива, хлеба и водки; кроме того он освобождается от всяких повинностей» [19, 88-89].

В примечании №19 к тому же сказанию Цораев разъяснил понятие, обозначающее родительский дом для вышедшей замуж девушки, – «цӕгат» и связанные с ним обычаи. Он писал, что «цӕгат» «называются родные жены, дом, из которого взята жена... в былое время осетины посылали своих жен для разрешения от бремени к их родным; если жена рожала мальчика, то возвращалась к мужу с подарками, если же рожала дочь, то возвращалась с пустыми руками» [19, 90].

В примечаниях № 28-32 Цораев рассмотрел обычаи и обряды, связанные с похоронами и поминками. Так, он привел объяснение тому, что покойников у осетин хоронили до захода солнца: «Осетины полагают, что после солнечного заката затворяются ворота царства мертвых, и что до утренней зари никто не впускается; поэтому покойников не хоронят после захождения солнца, дабы их души не мучились в пространстве между землею и царством Барастыра; особенно зимой хоронят мертвых рано» [19, 91].

Цораев указал на обычай класть в

могилу вещи: «Осетины веруют, что в царстве мертвых трудно узнавать своих родных и друзей, если в могилу не была положена какая-нибудь вещь, по которой можно узнать покойника; поэтому Сатана бросила свое кольцо на сына» [19, 91].

Цораев сообщал о больших затратах на поминки и их негативных последствиях: «Ежегодные поминки в честь одного покойника обходятся семейству более чем в 2000 руб. Часто повторяющиеся случаи смерти в семействе могут его разорить» [19, 91]. Он также привел осетинскую поговорку по этому поводу – «От чего он богат? Потому что никто не умирает» – «Хъӕздыг цӕмӕн у? Нӕ мӕлӕ умӕн». Цораев перечислил 12 поминок, справлявшихся по покойному в течение года, и подробно указал затраты на каждые из них в виде выпивки и мяса [19, 91- 92].

В примечании №2 к сказке «О сыне горного старшины и о дочери степного старшины» Цораев указал на один из возрастных терминов осетин – «лӕппу». Он писал, что термин «лӕппу» «обозначает не только ребенка и мальчика, но и юношу, вообще всякого неженатого» [19, 98].

В примечаниях №4 и 5 к той же сказке Цораев отметил названия некоторых видов осетинской традиционной выпечки – чурека «кӕрдзын» и пирога с сыром «хӕбизджын». Он писал, что «кӕрдзын» «первоначально обозначает хлеб (чурек) из просяной муки, потом всякое блюдо, являющееся на осетинском столе», а «хӕбизджын» – это «большой, круглый, начиненный творогом и в масле испеченный пирог» [19, 98].

В примечании № 9 к той же сказке Цораев описал свадебные обряды осетин, связанные с «членами свадебной свиты» – «чындызхӕсджытӕ». Он писал:

«Жених, отправляясь за невестой, берет с собою от 12 до 22 дружек; все верхами и вооружены; в доме невесты они занимают почетное место; в течение трех суток их угощают целый день и целую ночь всем лучшим, что есть в доме. После трехдневного пира они увозят невесту и на дороге к дому жениха высказывают всю свою ловкость в верховой езде, стреляя при этом из пистолетов и ружей» [19, 98-99].

Таким образом, в примечаниях к книге Шифнера «Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым» Цораев выступил как этнограф.

Несмотря на то, что имя Василия Цораева довольно часто упоминается в трудах фольклористов и этнографов, материалов и литературы о его жизненном пути и творчестве крайне мало. Небольшая справочная статья о биографических данных и трудах Цораева содержится в рукописи статьи протоиерея Харлампия Цомаева «Краткие биографические сведения о переводчиках и издателях священно-церковно-богослужебных книг на осетинском языке и библиографические заметки о их трудах», датированной 10 марта 1924 г. [13, 8об.-9] К сожалению, статья не была опубликована и хранится в Научном архиве СОИГСИ.

Василию Цораеву посвящен небольшой раздел в неопубликованной рукописи Б.А. Алборова «История осетинской литературы (Докостаевский период)» [2, 164-169] и его же биографическая справка о В. Цораеве [16, 1-6]. В своих работах Алборов дал биографические сведения о Цораеве, приводя воспоминания его родственников – дяди Дженалдыко Цораева и воспи-

танницы его Беликовой, урожденной Цораевой. Алборов кратко рассмотрел деятельность Цораева как переводчика, фольклориста и этнографа.

При ходе поиска материалов о Цораеве, ученый нашел ценные документы о нем в Центральном государственном архиве Москва и Центральном государственном архиве Грузинской ССР. Документы в основном относились ко времени обучения Цораева в Тифлисской духовной семинарии и Московской духовной академии. Копии этих документов в настоящее время хранятся в Научном архиве СОИГСИ [8].

В 1995 г. была опубликована статья Р.С. Бзарова «Пионер осетинской фольклористики (Материалы к биографии Василия Цораева)» [18], основанная на архивных документах из фондов Центрального государственного исторического архива и Центрального государственного военно-исторического архива. На основе документов, охватывающих период с 1846 г. по 1866 г., автор установил основные этапы и важнейшие факты биографии Цораева. Бзаров писал о Цораеве: «Есть биографии, становящиеся национальным достоянием. Судьба Василия Цораева ничуть не меньший вклад в осетинскую культуру, чем собранные им тексты. Этот семинарист, не пожелавший стать священником, солдат, отказавшийся от военной карьеры, несостоявшийся студент и бедный учитель поразительно точно воплотил в своей жизни будущий путь осетинской интеллигенции» [18, 22].

Незаурядная личность Василия Цораева и его широкая просветительская деятельность должны занять достойное место в истории осетинской культуры.

1. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. П. 148. Д. 376.
2. НА СОИГСИ. Ф. 19. Литература. Оп. 1. Д. 219.
3. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 37.
4. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. П. 148. Д. 376.
5. НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 38.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 27.
8. НА СОИГСИ. Ф. 19. Литература. Оп. 1. Д. 216.
9. *Бзаров Р.С.* Пионер осетинской фольклористики (Материалы к биографии Василия Цораева) // Осетинская филология: история и современность. Владикавказ, 1995. Вып. 2.
10. Кавказский календарь на 1873 г. Тифлис, 1872.
11. Кавказский календарь на 1874 г. Тифлис, 1873.
12. ЦГА РСО-А. Ф. 30. Оп. 1. Д. 68а.
13. НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. П. 33. Д. 58.
14. НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. П. 33. Д. 77.
15. Соборные послания св. апостолов Иакова, Петра, Иоанна Богослова и Иуды в переводе В. Цораева. Тифлис, 1862. Типография Главного управления Наместника Кавказа.
16. НА СОИГСИ. Ф. 19. Литература. Оп. 1. Д. 217.
17. Последования св. крещения и миропомазания на осетинском языке. Перевел свящ. А. Колиев. Тифлис, 1862.
18. *Бзаров Р.С.* Пионер осетинской фольклористики (Материалы к биографии Василия Цораева) // Осетинская филология: история и современность. Вып. 2. Владикавказ, 1995. С. 4-22.
19. Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым. Издал А. Шифнер. СПб., 1868. Приложение к XIV-му тому Записок Императорской Академии наук. Вып. 4.
20. Šchifner A. Ossetische Sprüche wörter // Bulletin de l'Academie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg. V. 1862.
21. *Гатуев А., свящ.* Христианство в Осетии. Исторический очерк. Владикавказ, 1901.
22. *Колыты А., прот.* Чырыстий рухс райгасдзинад (Куадзæн бон) // Чырыстон цард. 1913. № 1.
23. Šchifner A. Ossetische texte // Bulletin de l'Academie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg. 1863. VI.
24. Šchifner A. Deux contes ossetes // Bulletin de l'Academie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg. 1864. VIII.
25. Bulletin de l'Academie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg. 1868. XII.
26. *Бекоев Г.Г.* Возникновение Осетинской письменности и ее развитие (Краткий очерк) // ИСОНИИ. Владикавказ, 1925. Т. I.
27. *Калоев Б.А.* Миллер – кавказовед (исследования и материалы). Орджоникидзе, 1963.
28. *Салагаева З.М.* От Нузальской надписи к роману. Проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе, 1984.